

В. Б. Петров
Магнитогорск, Россия

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАГИКОМЕДИИ М. БУЛГАКОВА «АДАМ И ЕВА»

АННОТАЦИЯ. Пьеса Михаила Булгакова «Адам и Ева» рассматривается в контексте философских исканий начала XX в. Проблема России, ее настоящего и будущего является одной из глобальных в сознании российской интеллигенции. При этом пафосные интонации, преобладающие в литературе социалистического реализма, оттеняются эсхатологическими настроениями как в философских, так и в художественных произведениях первой трети XX в. У философов они вытекали из попыток объяснить смысл современной истории, у писателей — из стремления понять происходящее. Эти мысли пронизывают «Смысл творчества» Н. Бердяева, «Взвихренную Русь» А. Ремизова, «Адама и Еву» М. Булгакова.

В статье анализируются система образов булгаковской пьесы, их связь с мировоззренческими (политическими, идеологическими и философскими) предпочтениями автора, прослеживаются сквозные мотивы и определяется роль булгаковской пьесы в творчестве писателя. Булгаков писал о своем стремлении «стать беспристрастно над красными и белыми» и художественно отобразить мир с позиций вечных ценностей: добра, истины и красоты. Принимая революцию как совершившийся факт, писатель стремится развенчать видимые ее пороки и утвердить непреходящую ценность общечеловеческих истин.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Булгаков; «Адам и Ева»; интеллигенция; революция и эволюция; нравственные ценности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Петров Василий Борисович, доктор филологических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Магнитогорский филиал).

Проблемы настоящего и будущего России, ее политического самоопределения на рубеже XIX — XX веков находились в центре внимания многих российских философов и писателей. Мир, расколотый надвое, отразившись в их умонастроениях, предопределил противоречивость его оценки. Социально-исторический фон времени определялся тремя тенденциями: эсхатологическими настроениями, распространением социалистических идей и пересмотром системы ценностей. Так, символичное название сборника «Вехи» (1909) определило общий пафос статей, посвященных критике идеологии и мировоззренческих позиций революционно-демократической интеллигенции. В противовес политическому радикализму и атеистическому материализму, с одной стороны, и идеализации народных масс, с другой, «веховцы» провозгласили примат духовной жизни над общественной, предпочитая нравственную революцию революции социальной. «Душа интеллигенции <...>, — писал С. Булгаков, — есть <...> ключ к грядущим проблемам русской государственности...» [Булгаков С. Н.: 45]. С точки зрения авторов сборника, залогом единства интеллигенции и народа должна стать ее нравственная ответственность за судьбы народа и страны, опора на традиции народной жизни.

Переломное значение Октябрьской революции, характеризующееся кризисным состоянием мира и личности, столкновением политических, идеологических и философских теорий, пересмотром нравственно-эстетических концепций на фоне великих

научных открытий и социальных утопий, всецело ощутили А. Блок и А. Белый, А. Ремизов и М. Осоргин, Н. Клюев и М. Волошин; О. Мандельштам и М. Булгаков.

В статье «Крушение гуманизма» А. Блок писал: «Движение, исходной точкой и конечной целью которого была человеческая личность, могло расти и развиваться до тех пор, пока личность была главным двигателем европейской культуры, <...> когда на арене европейской истории появилась новая движущая сила — на личность, а масса, — наступил кризис гуманизма» [Блок: 94]. В письме Правительству СССР Михаил Булгаков говорит о своем стремлении в смутное время гражданской уособицы «стать беспристрастно над красными и белыми» [Булгаков М. А. 1930: 5, 6] и художественно воссоздать (пересоздать) мир с позиций вечных ценностей: добра, истины и красоты. И в этом он смыкается с авторами «Вех».

Едва ли можно согласиться с распространенным среди литературоведов мнением о нечеткости мировоззрения Булгакова, о двойственности его отношения к революции и советской действительности^[1]. Словно предвидя этот будущий упрек, художник заметил, что основное в его сатирических повестях — это «глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции...» [Булгаков 1930 : 4]. Принимая революцию как совершившийся факт, писатель стремится развенчать видимые ее пороки и утвердить непреходящую ценность общече-

ловеческих истин. «Двойственность» Булгакова, скорее, в другом, — в ощущении трагической неизбежности «вживания в современность».

Проблема России, ее настоящего и будущего является одной из глобальных, извечно занимающих сознание российской интеллигенции. Что есть Россия? Ужели — «деревня», где «по Сеньке и шапка, по холопу и барин» (И. Бунин)?! Или же «птица—тройка» (Н. Гоголь), в которую возможно «только верить» (Ф. Тютчев)?! Пафосно-патетические интонации, доминирующие в официально признанной литературе социалистического реализма, оттеняются эсхатологическими настроениями как в философских, так и в художественных произведениях первой трети XX века. У философов они вытекали из попыток объяснить смысл современной истории, у писателей — из стремления понять происходящее. Так рождаются «Смысл творчества» Н. Бердяева, «Взвихренная Русь» А. Ремизова, «Адам и Ева» М. Булгакова.

Источником эсхатологических мотивов в пьесе «Адам и Ева» (1931), посвященной теме исторической судьбы новой России, становится поруганная человечность, отступление от христианских заповедей. Неприятие Булгаковым революционных перемен, желание противопоставить им логику общечеловеческих истин, впервые определенно проявившееся в «Роковых яйцах» и «Собачем сердце»^[2], в мифологизированной форме антиутопии проецируются здесь на историю человечества.

В «Адаме и Еве», как и в «Белой гвардии», Булгаков предпосылает произведению два эпиграфа, намечая тем самым трагическое противостояние идей: классовой ненависти и всеобщего мира. И если «предсказание» первого эпиграфа (усеченной цитаты из «Книги Бытия»^[3]) почти буквально реализуется в последующем апокалипсическом развитии событий, то смысл второго (инструкция по применению боевых газов^[4]) становится точкой отсчета для их оценки.

Имена главных действующих лиц, вынесенные в заглавие пьесы, поначалу воспринимаются как знак рождения нового мира (Книга Бытия). Однако сразу же бросается в глаза нарочитая «нестыковка деталей»: «АДАМ» имеет другое имя и фамилию (Николай Красовский), по убеждениям он — коммунист, по профессии — инженер-мостостроитель; «ЕВА» учится на курсах по изучению иностранного языка и тоже отнюдь не библейского происхождения (Войткевич). Третьим центральным фрагментом мозаики человеческих взаимоотношений, разру-

шающим складывающийся стереотип библейского прочтения пьесы, становится академик Ефросимов. Описывая внешний вид Александра Ипполитовича, манеру держаться, автор акцентирует его чуждаемость, чужеродность окружающему [Булгаков М. А. Т. 3: 467-468]. Сама обстановка первого появления героя обнаруживает удивительное сочетание буффонады и предощущения трагедии: даже свою фамилию Ефросимов вспоминает по аналогии с боевыми отравляющими газами: «Ах, господи! Это ужасно!.. Как же, чёрт, фамилия? Известная фамилия. На эр... на эр... Позвольте: цианбром... фенилди-хлор-арсин... Ефросимов!» [Булгаков М. А. Т. 3 : 469].

Первая реплика Адама, обращенная к Еве («А чудная опера этот «Фауст»...» [Булгаков М. А. Т. 3: 466]) перекликается со вступительной ремаркой («...громкоговоритель, из которого течет звучно и мягко «Фауст» из Мариинского театра. Во дворе изредка слышна гармоника...» [Булгаков М. А. Т. 3: 466]) и постепенно погружает героев в дьявольский карнавал, о котором они в тот момент еще не догадываются.

По мнению Е. Булгаковой, протоконфликтом пьесы является сугубо личная история [см. Булгакова]. Однако тривиальный любовный треугольник (Адам — Ева — Ефросимов) отнюдь не устраивает автора, который не только стремится к полисемантическому прочтению пьесы, но и все время ведет игру с читателем, опрокидывая логику его житейских представлений. Булгаков ориентируется на ассоциативное восприятие архетипической основы, справедливо полагая, что отдельные «новые» штрихи позволят ему «возродить» библейский миф в новой трагикомическо-карнавальном оболочке.

Трагикомическое переосмысление мотивов библейского Потопа и Апокалипсиса позволяет автору собрать вместе таких разных персонажей, как убежденный «коммунист» Адам и «беспартийная» Ева, бывший член профсоюза и вечный хулиган Захар Маркизов, литератор-конъюнктурщик Пончик-Непобеда, красный авиатор Дараган и академик Ефросимов. Воистину Ноев ковчег!

«Адам и Ева» логически продолжают «Роковые яйца», расширяется лишь масштаб социальных катаклизмов. Перед нами вновь кабинетный ученый, мотив катастрофы и некий таинственный луч, появление которого можно объяснить как отголоском реальных событий^[5], так и влиянием «Войны миров» Г. Уэллса. Тем более, что начало второго акта — описание мертвого Ленинграда — выдержано в традициях «Войны миров». Зловещие картины отравленного

города, горы трупов и полубезумная Ева — вот последствия применения «солнечного газа». И только аппарат Ефросимова дарует «облученным» жизнь, воскрешает умирающего окровавленного, покрытого язвами, глухого и слепого Дарагана.

Войну, как и любое другое насилие, Михаил Булгаков считает «хронической болезнью человечества» [Соловьев 2012], социальной патологией, источником которой является тоталитарная власть. «Адам и Ева» в этой связи воспринимается своего рода предостережением, обращенным к современникам и потомкам. Безумием Вальпургиевой ночи ^[6], сном разума, который «рождает чудовищ» (Ф. Гойя), представляется Ефросимову обуревающая мир всеобщая ненависть: «Война будет потому, <...> что при прочтении газет <...> волосы шевелятся на голове, и кажется, что видишь кошмар <...>. Что там напечатано? «Капитализм необходимо уничтожить». Да? А там — *(указывает куда-то вдаль)* — а там что? А там напечатано — «Коммунизм надо уничтожить». Кошмар!» [Булгаков М. А. Т. 3: 472]. Даже волшебный луч Ефросимова не в состоянии противодействовать злу, которое уже тем сильнее, что базируется на абсолютно новой «классовой морали», не предполагающей всеобщего гуманизма.

Создавая «Адама и Еву», Булгаков, очевидно, опирался не только на религиозно-философские учения русских космистов, но и на одну из популярных в среде интеллигенции книг — «Закат Европы» Освальда Шпенглера. Об этом свидетельствует сходство историософских раздумий Освальда Шпенглера («всемирная история есть принципиально бессмысленная смена рождения расцветания, упадка отдельных культур» [цит. Франк : 529]) и рассуждений булгаковских персонажей.

ЕФРОСИМОВ... Я боюсь идей! Всякая из них хороша сама по себе, но лишь до того момента, пока старичок — профессор не вооружит ее технически <...>, поставит на пробирке черный крестик, чтоб не спутать, и скажет: «Я сделал, что умел. Остальное — ваше дело. Идеи, столкнитесь!» [Булгаков М. А. Т. 3 : 473].

ПОНЧИК... Вот она, наша пропаганда, вот оно, уничтожение всех ценностей, которыми держалась цивилизация... Терпела Европа... Терпела-терпела, до потом вдруг как ахнула!.. Погибайте, скифы! [Булгаков М. А. Т. 3: 511].

М. Булгакова привлекала и мысль О. Шпенглера о том, что господство политики является признаком вырождения культуры.

Если история имеет смысл, а значит и ценность, то она представляет собой либо прогресс, либо регресс человека и человечества. При этом причины регресса усматривались либо в «природе» самого человека, либо в действии каких либо иных «надчеловеческих сущностей»: судьбы (в античную эпоху), дьявола (в Средние века). В самой теории прогресса Н. Бердяев и С. Булгаков усматривали распространенную идею ^[7] «унавоживания» предстоящей гармонии жизнями предшествующих поколений. Словно отвечая этой теории, С. Франк пишет: «Неужели можно признать осмысленной роль навоза, служащего для удобрения и тем содействующего будущему урожаю? <...> человек в роли навоза вряд ли может чувствовать себя удовлетворенным и свое бытие осмысленным» [Франк: 507]. Тревогу за судьбы человечества и человечности высказывал и Вл. Соловьев в статье «Христос воскрес!», где в противовес прагматикам-материалистам провозглашалась первичность, самоценность духовного начала, смыслом которой является «решительная победа живого духа над смертью» [Соловьев 1993: 104]. Характеризуя проблему переоценки ценностей в эпоху социальных потрясений, А. Шопенгауэр заметил: «И этот мир, эту суматоху измученных и истерзанных существ, которые живут только тем, что пожирают друг друга; этот мир, где всякое хищное животное представляет собою могилу тысячи других и поддерживает свое существование целым рядом чужих мученических смертей <...> этот мир хотели приспособить к лейбницевской системе оптимизма и демонстрировать его как лучший из возможных миров. Нелепость вопиющая!» [Шопенгауэр: 72]. Булгаков не был склонен к столь пессимистическим выводам, ему более близки взгляды С. Франка и Вл. Соловьева, однако становление Единого Государства не могло не внушать ему тревоги.

Чудесное спасение воспринимается героями пьесы по-разному. Для одних это возможность продолжить начатое, для других — новый шанс в жизни, возможность нравственной переоценки. Так, сцену «воскрешения» Дарагана перебивает пародийный эпизод с Пончиком-Непобедой и Маркизовым.

«ПОНЧИК... Господи! Господи! (Крестится.) Прости меня за то, что я сотрудничал в «Безбожнике». Прости, дорогой Господи!.. Я сотрудничал в «Безбожнике» по легкомыслию. Скажу тебе одному, Господи, что я верующий человек до мозга костей и ненавижу коммунизм. И даю тебе обещание перед лицом мертвых, если ты научишь меня, как уйти из города и сохранить жизнь, — я... (Вынима-

ет рукопись.) Матерь Божия, но на колхозы ты не в претензии?... Ну что особенного? Ну, мужики были порознь, ну, а теперь будут вместе. Какая разница, Господи? Не пропадут они, окаянные!...» [Булгаков М. А. Т. 3: 491].

В связи с образом «литератора» Павла Апостоловича^[8] Пончика-Непобеды поднимается проблема подлинного и конъюнктурного творчества, ставшая одной из центральных в «закатном романе» Булгакова. Пончик-Непобеда в пьесе становится травестийным комментатором отнюдь не комических событий. И если Маркизов ищет объяснение происходящему в Библии^[9], то и дело цитируя ее и обнаруживая параллели с настоящим, то Пончику не дает покоя собственная рукопись. Вот Пончик-Непобеда, сравнивая свой опус со статьей Марьяна-Рощина, награждает своего собрата по литературному цеху весьма нелестными эпитетами:

ПОНЧИК (*поглядев в газету*). Какая сволочь! А! <...> Нет, вы послушайте! (*Читает в газете*). «...Там, где когда-то хилые поля обрабатывали голодные мужики графа Шереметьева...» Ах, мерзавец! (*Читаем*). «...теперь работают колхозницы в красных повязках...». <...> Сукин сын! [Булгаков М. А. Т. 3: 476]. Оба персонажа напоминают клоунов в балагане, за который другие расплачиваются жизнью.

В споре между командиром истребительной эскадрильи Дараганом и Ефросимовым автор явно принимает сторону последнего. Ефросимов не приемлет так называемого «революционного гуманизма», который во имя большевистской идеи допускает едва ли не уничтожение всего человечества. Психологию «классового безумия» достаточно точно характеризует Е. Трубецкой в работе «Смысл жизни»: «Все прониклись мыслью, что в интересах коллективных, национальных все дозволено. — И в результате расшатались все нравственные навыки. Мысль об убийстве перестала казаться страшной. Вера в безусловную ценность человеческой жизни исчезла, уступив место чисто утилитарным оценкам жизни и личности. Не стало больше безусловных святынь в жизни» [Трубецкой : 460-461]. Революционная логика Дарагана явно противоречит логике общечеловеческой.

ДАРАГАН... Когда восстановится жизнь в Союзе, ты получишь награду за это изобретение. (*Указывает на аппарат*.) О, какая голова! После этого ты пойдешь под суд за уничтожение бомб, и суд тебя расстреляет [Булгаков М. А. Т. 3: 508].

Соотнесенность принципов классовой борьбы с библейскими истинами позволяет

автору высветить нравственно-философскую сторону происходящего. Гротеск в данном случае помогает показать абсурдность классовых противоречий перед лицом абсолютных и вечных ценностей. Стремясь противопоставить идее казарменного коммунизма человеческую индивидуальность^[10], Булгаков утверждает высшую ценность — ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЛИЧНОСТЬ, и в этом ему близок Н. Бердяев: «Мы должны бороться за новое общество, которое признает высшей ценностью человека, а не государство, общество, нацию» [Бердяев 1993: 316].

Возникающий в пьесе мотив «жизнь — сон» меняет местами реальное и кажущееся, и эту противоестественность постоянно ощущают герои. Все здесь имеет не столько бытовой, сколько символический смысл (например, чудесное спасение Адама и Евы, или Маркизов, который подобно архангелу Гавриилу, возвещает о конце света звуком трубы).

Функцию авторской оценки драматург доверяет Еве, которая нужна «для исполнения добра в материальном мире, ибо только ею просветляется и укрощается недобрая тьма этого мира» [Соловьев 1990: 128]. Вопреки потоку обвинений в адрес Ефросимова, «в равной мере равнодушного и к коммунизму, и к фашизму» [Булгаков М. А. Т. 3: 505], Ева произносит: «Я вот сижу и вдруг начинаю понимать, что лес и пение птиц, и радуга — это все реально, а вы с вашими испуганными криками — нереально... Это вы мне все снитесь!» [Булгаков М. А. Т. 3: 506]. Эта реплика перекликается с последними словами Серафимы в «Беге».

Подобно Маргарите из последнего романа Булгакова, Ева готова на все ради Ефросимова — своего мастера. В подтексте пьесы звучит мотив ПОКОЯ как одной из главных нравственных ценностей^[11].

ЕВА. ...Я слышу — война, газ, чума, человечество, построим здесь города... Мы найдем человеческий материал! А я не хочу никакого человеческого материала, я просто хочу людей, а больше всего одного человека. А затем и домик в Швейцарии, и будь прокляты идеи, войны, классы, стачки... [Булгаков М. А. Т. 3: 515, 516].

Это рожденная Апокалипсисом новая история человечества в основе которой неизменная ценность — ЛЮБОВЬ. И хотя внешне финал пьесы не столь уж драматичен (ДАРАГАН (Ефросимову): «Ты жаждешь покоя? Ну что же, ты его получишь!.. Живи где хочешь. Весь земной шар открыт, и визы тебе не надо» [Булгаков М. А. Т. 3: 521]), булгаковский герой, да и сам автор, не испытывают чувства удовлетворения («ЕФРО-

СИМОВ. Мне надо одно — чтобы ты перестал бросать бомбы, — и я уеду в Швейцарию» [Булгаков М. А. Т. 3 : 521]).

Булгаков, подобно Ефросимову, считает одной из абсолютных ценностей, особенно для творческой личности, СВОБОДУ. В письме Булгакова Правительству СССР читаем: «Я обращаюсь к гуманности советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя, в отечестве, великодушно отпустить на свободу» [Булгаков М. А. 1930]. А в послании Секретарю ЦИК Союза ССР А. С. Енукидзе эта просьба звучала еще более определенно: «прошу разрешить мне вместе с женой моей Любовью Евгеньевной Булгаковой выехать за границу...» [Булгаков М. А. — Секретарю ЦИК]. Булгаков писал Горькому [Булгаков М. А. — Горькому] и даже Сталину [см. Ляндерс : 134-139], но... Ни автору, ни его герою не удастся обрести свободу: «А может быть, правда, пустить вас за границу? — спросил Иосиф Виссарионович, явно провоцируя телефонного собеседника. — Что, мы вам очень надоели?» [цит. Ляндерс: 139]. «Эх, профессор, профессор!.. Ты никогда не поймешь тех, кто организует человечество, — в той же тональности изрекает Дараган. — Ну что ж... Пусть по крайней мере твой гений послужит нам! Иди, тебя хочет видеть генеральный секретарь!» [Булгаков М. А. Т. 3: 522].

В то же время Булгаков изменил бы самому себе, если бы мечта героя «покинуть край, где мы так страдали»^[12], не имела в пьесе своего трагифарсового выражения. Так, Пончик-Непобеда искушает Маркизова и предлагает ему «бежать на Запад, в Европу! Туда, где города и цивилизация...» [Булгаков М. А. Т. 3: 511]. Однако даже в откровенно сатирическом эпизоде, наряду с балаганным кривлянием персонажа, звучат близкие автору суждения горе—литератора: «Вот к чему привел коммунизм!... <...>. Вот к чему привело столкновение с культурой <...>. Смотрите все на Пончика-Непобеду, который был талантом, а написал подхалимский роман!» [Булгаков М. А. Т. 3: 511, 514]. И эта последняя фраза помогает понять Пончика-Непобеду как трагикомическую фигуру, продолжающую типологический ряд, который тянется от «Записок на манжетах» (автобиографический герой) через «Багровый остров» (Дымогацкий) к «Мастеру и Маргарите» (Бездомный).

В новых социальных условиях, по справедливому замечанию Н. Бердяева, «метафизика демократизма признает положительной ценностью <...> чисто механическую идею равенства и с ней связывает пафос справедливости. Но равенство само по себе

не есть ценность. Равенство — это, когда во имя его убиваются качества и отвергается величие индивидуальности» [Бердяев 1983: 492]. И многие писатели, в том числе и Михаил Булгаков, предпочли противопоставить безликому «Мы» нравственно определенное «Я».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. В отдельных работах встречаются упреки в конформизме [Золотоносов 1989, Золотоносов 1990] и в утопичности булгаковского миропонимания [Красавченко 1991].

[2]. Достаточно вспомнить реплику профессора Преображенского «Никакой контрреволюции. Кстати, вот еще слово, которое я совершенно не выношу. Абсолютно неизвестно — что под ним скрывается? Черт его знает! Так я и говорю: никакой этой самой контрреволюции в моих словах нет. В них здравый смысл и жизненная опытность [Булгаков М. А. Т. 1: 373].

[3]. «...не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал: впредь во все дни земли сеяние и жатва не прекратятся» [Булгаков М. А. Т. 3: с.465]. Ср.: в книге Бытия [VIII: 21, 22].

[4]. «Участь смельчаков, считавших, что газа бояться нечего, всегда была одинакова — смерть!» [Булгаков М. А. Т. 3: 465].

[5]. По свидетельству В. Букреева (одноклассника М. Булгакова), во время наступления большевиков на Киев в 1918 году «было отпечатано и расклеено большое количество объявлений: предупреждались граждане города, что против наступления будут применяться лучи смерти» [цит. Чудакова: 100].

[6]. Не случайно в первом акте автор настоячиво (шесть раз) упоминает оперу «Фауст».

[7]. От сатирической фантазмагии романа Е. Замятина «Мы» до трагического толстовского вопроса: Великая Россия — «навоз под пашню»?

[8]. Своего рода ученик, «апостол» при Ефросимове предваряет образ поэта Бездомного — «ученика» при мастере («Мастер и Маргарита»).

[9]. Не случайно «Книга Бытия» стала настольной для Маркизова.

[10]. Яркие примеры — в произведениях Е. Замятина и А. Платонова.

[11]. Этот мотив начинается в «Беге» и находит логическое завершение в «Мастере и Маргарите».

[12]. Сатирически этот мотив звучит в «Зойкиной квартире».

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1983.
- Бердяев Н. А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. — М. : Республика, 1993.
- Блок А. А. Крушение гуманизма / А. А. Блок: собр. соч.: в 8 т. М. ; Л. : ГИХЛ, 1963. Т. 6. С. 93-115.
- Булгакова Е. С. Дневник Елены Булгаковой: сост., текстол. подготовка и коммент. Лосева В.,

Яновской Л. ; вступ. ст. Яновской Л. М. : Кн. пала-
та, 1990.

5. Булгаков М. А. Избранные сочинения : в 3 т.
М. ; СПб.: Литература-Кристалл, 1997. Т. 1.

6. Булгаков М. А. Избранные сочинения : в 3 т.
М. СПб.: Литература-Кристалл. 1997. Т. 3.

7. Булгаков М. А. — Горькому А. М. / РГБ, ОР, ф.
562, карт. 19, ед. хр. 20.

8. Булгаков М. А. — Правительству СССР. 28
марта. 1930 / РГБ, ОР, ф. 562, карт. 19, ед. хр. 30.

9. Булгаков М. А. — Секретарю ЦИК Союза
СССР / РГБ, ОР, ф. 562, карт. 19, ед. хр. 20.

10. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // *Вехи. Интеллигенция в России: сб. статей.* М., 1991.
С. 43-84.

11. Золотоносов М. «Родись второрождением тай-
ным...»: Михаил Булгаков: позиция писателя и
движение времени // *Вопр. литературы.* 1989. № 4.
С. 149—182.

12. Золотоносов М. «Взамен кадильного куре-
нья...»: Булгаковедение в канун столетия со дня
рождения писателя: Проблемы, тенденции, идеи // *Дружба народов.* 1990. № 11. С. 247—262.

13. Красавченко Т. Н. Булгаков в своем отечестве:
О литературоведении 80-х годов и не только о нем // *М. Булгаков: к 100-летию со Дня рождения: 1891 —*

1991: сб. обзоров. М. : ИНИОН АН СССР. 1991.
С. 35 — 86.

14. Ляндерс С. Русский писатель не может жить
без Родины // *Вопр. литературы.* 1966. № 9.

15. Соловьев В. Стихотворения. Эстетика. Литера-
турная критика / Владимир Соловьев; сост., ст.,
коммент. Н. В. Котрелева. М. : Книга, 1990.

16. Соловьев В. Христос воскрес! // *Русский кос-
мизм : антол. филос. мысли; сост. и предисл. к тек-
стам С. Г. Семенов, А. Г. Гачевой; примеч.*
А. Г. Гачевой. М. : Педагогика-пресс, 1993.

17. Соловьев В. Оправдание добра / отв. ред.
О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилиза-
ции; Алгоритм, 2012.

18. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М. : Тип. т-ва
И. Д. Сытина, 1918.

19. Франк С. Л. Смысл жизни // *Смысл жизни: ан-
тол.; ред. сост. Н. К. Гаврюшин. М. : Прогресс-
Культура, 1994.*

20. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Бул-
гакова. — 2-е изд., доп. М. : Книга, 1988.

21. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // *Шопенгауэр А. Избранные произведения / сост.,
авт. вступ. ст. и примеч. И. С. Нарский.*
М. : Просвещение, 1992.

V. B. Petrov
Magnitogorsk, Russia

MORAL VALUES IN THE POLITICAL TRAGICOMEDY BY MIKHAIL BULGAKOV "ADAM AND EVE"

ABSTRACT. *The play by Mikhail Bulgakov «Adam and Eve» is studied in the context of the philosophical pursuit of the early twentieth century. The problem of Russia, its present and its future, is one of global dilemmas in the minds of the Russian intelligentsia. And the intonations of pathos that predominate in the literature of socialist realism, are shaded by eschatological sentiment in philosophical and literary works of the first third of the twentieth century. With philosophers, this mood follows from attempts to explain the meaning of the modern history, with writers – from a desire to understand what is happening. These thoughts permeate «The Meaning of Creativity» by N. Berdyaev, «Vzvikhennaya Rus» by A. Remizov and «Adam and Eve» by Mikhail Bulgakov.*

The article analyzes the system of images of Bulgakov's plays and their relationship to world outlook (political, ideological and philosophical) preferences of the author, traces the basic motives and defines the role of Bulgakov's plays in the context of the writer's creative activity. Mikhail Bulgakov wrote about his desire to «be dispassionately above the red and the white» and to reflect in his art the world from the standpoint of eternal values: goodness, truth and beauty. Taking the revolution as a fait accompli, the writer tries to debunk its visible flaws and secure the enduring value of universal truths.

KEYWORDS: Bulgakov; «Adam and Eve»; intelligentsia; revolution and evolution; moral values.

ABOUT THE AUTHOR: Petrov Vasily Borisovich, Doctor of Philology, Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Magnitogorsk branch), Magnitogorsk, Russia.

LITERATURE

1. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobody.* Smysl tvorchestva. М., 1983.

2. Berdyaev N. A. *O naznachanii cheloveka: Opyt paradoksal'noy etiki.* — М. : Respublika, 1993.

3. Blok A. A. *Krushenie gumanizma / A. A. Blok: sobr. soch.: v 8 t. М. ; L. : GIKhL, 1963. Т. 6. S. 93-115.*

4. Bulgakova E. S. *Dnevnik Eleny Bulgakovoy: sost., tekstol. podgotovka i komment. Loseva V., Yanovskoy L. ; vstup. st. Yanovskoy L. М. : Kn. palata, 1990.*

5. Bulgakov M. A. *Izbrannye sochineniya : v 3 t. М. ; SPb.: Literatura-Kristall, 1997. Т. 1.*

6. Bulgakov M. A. *Izbrannye sochineniya : v 3 t. М. ; SPb.: Literatura-Kristall. 1997. Т. 3.*

7. Bulgakov M. A. — Gor'komu A. M. / RGB, OR, f. 562, kart. 19, ed. khr. 20.

8. Bulgakov M. A. — Pravitel'stvu SSSR. 28 marta. 1930 / RGB, OR, f. 562, kart. 19, ed. khr. 30.

9. Bulgakov M. A. — Sekretaryu TsIK Soyuz SSSR / RGB, OR, f. 562, kart. 19, ed. khr. 20.

10. Bulgakov S. N. *Geroizm i podvizhnichestvo // Vekhi. Intelligentsiya v Rossii: sb. statey. М., 1991. S. 43—84.*

11. Zolotonosov M. «Rodis' vtororozhden'em tainym...»: Mikhail Bulgakov: pozitsiya pisatelya i dvizhenie vremeni // *Vopr. literatury.* 1989. № 4. S. 149—182.

12. Zolotonosov M. «Vzamen kadi'l'nogo kuren'ya...»: Bulgakovvedenie v kanun stoletiya so dnya rozhdeniya pisatelya: Problemy, tendentsii, idei // *Druzhba narodov.* 1990. № 11. S. 247—262.

13. Krasavchenko T. N. Bulgakov v svoem otechestve: O literaturovedenii 80-kh godov i ne tol'ko o nem // M. Bulgakov: k 100-letiyu so Dnya rozhdeniya: 1891 — 1991: sb. obzorov. M. : INION AN SSSR. 1991. S. 35—86.
14. Lyanders S. Russkiy pisatel' ne mozhet zhit' bez Rodiny // Vopr. literatury. 1966. № 9.
15. Solov'ev V. Stikhotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika / Vladimir Solov'ev; sost., st., komment. N. V. Kotreleva. M. : Kniga, 1990.
16. Solov'ev V. Khristos voskres! // Russkiy kosmizm : antol. filos. mysli; sost. i predisl. k tekstam S. G. Semenovoy, A. G. Gachevoy; primech. A. G. Gachevoy. M. : Pedagogika-press, 1993.
17. Solov'ev V. Opravdanie dobra / otv. red. O. A. Platonov. M. : Institut russkoy tsivilizatsii; Algoritm, 2012.
18. Trubetskoy E. N. Smysl zhizni. M. : Tip. t-va I. D. Sytina, 1918.
19. Frank S. L. Smysl zhizni // Smysl zhizni: antol.; red. sost. N. K. Gavryushin. M. : Progress-Kul'tura, 1994.
20. Chudakova M. O. Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova. — 2-e izd., dop. M. : Kniga, 1988.
21. Shopengauer A. Mir kak volya i predstavlenie // Shopengauer A. Izbrannye proizvedeniya / sost., avt. vstup. st. i primech. I. S. Narskiy. M. : Prosveshchenie, 1992.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. Т. Е. Абрамзон.